Песнь о
Полку Игореве...

Е 96
649.

2690
Co 96
649

ПѢСНЬ

ИГОРЮ СВЯТОСЛАВИЧУ

УДѢЛЬНОМУ КНЯЗЮ

НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО.

ИЗДАНА

Михаилом Максимовичем.

КІЕВЪ.

1837.

Є 96
649

ПѢСНЬ

О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ,

СЛОЖЕННАЯ ВЪ КОНЦѢ XII-ГО ВѢКА НА ДРЕВНЕМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Є 96
649

ИЗДАНА

съ переводомъ на нынѣшній Русскій языкъ
Профессоромъ Русской Словесности
Михаиломъ Максимовичемъ,
для своихъ слушателей.

КІЕВЪ
1837.

РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ
ПУБЛИЧН. БИБЛІОТ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

по опредѣленію 1 Отдѣленія Философскаго Факультета.
Кіевъ, Мая 1 дня, 1837 года.

Проректоръ Университета *Савва Богородскій.*

Напечатано въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО
Университета Св. Владиміра.

2007113184

„То старина, що и дѣянье,
Добрымъ людямъ на послушанье...“

Старинный Русскій припѣвъ.

ПѢСНЬ О ПЪЛКУ ИГОРЕВѢ,

ГЛАВА I.

1. Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславличя!
2. Начяти же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню.

3. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити; то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.
4. Помняшеть бо рѣчь пьрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пущашеть десять соколовъ на стадо лебедѣй: который дотечяше, та преди пѣсь пояше: Старому Ярославу, Храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, Красному Романови Святъславличю.

5. Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедѣй пущаше; нъ своя вѣщія

ИГОРЯ СВЯТЪСЛАВЛИЧЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.

I. ЗАПѢВЪ.

Не славно ли было-бъ намъ, братья, начать старыми словами скорбныхъ повѣстей пѣснь ополченію Игоря, Игоря Свѣтославича!

А начаться той пѣсни по былинамъ сего времени, хоть не по Боянову замышленію.

Боянъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь творить, то растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ по поднебесью.

Какъ вспоминалъ онъ сказанья прежнихъ временъ объ усобицѣ, то пускалъ онъ десять соколовъ на стадо лебедей: который соколъ на лебедь падетъ, та лебедь первая и пѣснь запоетъ — Старому Ярославу, Храброму Мстиславу, что зарѣзалъ Редедю предъ полками Касожскими, или Красному Роману Святославичу.

Да Боянъ, братья, не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ; онъ свои вѣ-

пърсты на живая струны въскладаше, они же сами Княземъ славу рокотаху.—

6. Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ Стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, напълнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю Половецькую, за землю Руськую.

ГЛАВА I.

1. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты.

2. И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти! А всядемъ, братіе, на свои бързыи комони, да позримъ синего Дону!

3. Спала Князю умъ похоти искусити Дону великаго, и жалость ему знаменіе заступи.

Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецькаго! съ вами, Русичи, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!—

щіе персты на живыя струны вскладалъ, и онѣ сами славу Князьямъ рокотали.— Начнемъ же, братья, нашу повѣсть отъ стараго Владимiра до нынѣшняго Игоря, который извлекъ умъ— своей силою, поострилъ его — мужествомъ сердца, и наполнялся ратнаго духа, навелъ свои храбрые полки на землю Половецкую, за землю Русскую.

II. сборъ игоря и всеволода къ походу.

Тогда Игорь воззрѣлъ на свѣтлое солнце, и видитъ—отъ него тьмою покрыто все его воинство.

И говоритъ Игорь къ дружинѣ своей: „братья и дружина! лучше изрублену быть, нѣмъ быть полонену! А сядемъ, братья, на своихъ борзыхъ коней, да посмотримъ синяго Дону!“

Запала въ умъ Князю охота отвѣдать великаго Дону, и дума о томъ заслонила ему знаменiе неба.

„Хочу, говоритъ, копье преломить въ концѣ поля Половецкаго! съ вами, Русичи, хочу голову свою положить, или шеломомъ напиться Дону!“

4. О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сія пълкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба-полы сего времени, рыща въ тропу Трояню чрезъ поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореви, того Ольга внуку!—

5. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжять къ Дону великому.

Чили въспѣти было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче!...

6. Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждеть мила брата Всеволода.

7. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди.

8. А мои ти Куряни, свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскърмлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми; луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли

О Боянъ, соловей стараго времени! Какъ бы ты полки сіи воспѣлъ, скача соловьемъ по мыслену древу, летая умомъ по подпебесью, свивал славы вѣнецъ сему времени; рыща по Троянову пути, чрезъ поля на горы!... Тебѣ *пѣть было пѣснь Игорю, того Олега внуку!...*

—Не буря соколовъ занесла чрезъ поля широкія: галки стадами летятъ къ Дону великому...

Или воспѣть-было, вѣщій Боянъ, внукъ Велесовъ!...

Ржутъ кони за Сулою; звенитъ слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новѣгородѣ; стоятъ знамена въ Путивлѣ; Игорь ждетъ милаго брата, Всеволода.

И говоритъ къ нему Буй-Туръ Всеволо́дъ: „одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый, ты Игорь! оба мы Святославичи. Сѣдлай, мой братъ, своихъ борзыхъ коней; а мои тебѣ готовы, напередъ осѣдланы у Курска.

Тебѣ и Куряны мои — надежные люди: подъ трубами повиты, подъ шеломами взлелѣяны, концемъ копья вскормлены; дороги имъ вѣдомы, овраги знакомы; луки у нихъ напряжены, колчаны откры-

изъострени; сами скачютъ акы сѣрыи вълци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а Князю славы.

ГЛАВА III.

1. Тогда въступи Игорь Князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю.
2. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птиць убуди; свистъ звѣринъ въ стазби.
3. Дивъ кличетъ върху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Вълзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутороканьскый блъванъ.
4. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычятъ тѣлѣгы полунощи, рци лебеди роспущени.

5 Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасутъ птиць; подобію вълци грозу въсрожатъ по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чьрленыя щиты.

6 О Руськая земле! уже за шеломянемъ еси!...

7. Дълго ночь мьркнетъ; заря свѣтъ запала;

ты, сабли наточены; какъ сѣрые волки скачутъ они въ полѣ, ища себѣ чести, а Князю славы!“

III. ВЫСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПОХОДЪ.

Тогда Игорь Князь ступилъ въ златъ стременъ, и поѣхалъ по чистому полю.

Солнце тьмой ему путь заслоняетъ; ночь, грозой застонавъ, птицъ разбудила; звѣриный свистъ въ пустынѣ.

А на деревѣ кричитъ Дивъ: велитъ слушать Земли незнаемой, Волгѣ, и Поморію и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ истуканъ Тмутороканскій.

А Половцы небитыми дорогами побѣжали къ Дону Великому: кричатъ телѣги о полуночи, словно лебеди разлетаючись.

Игорь къ Дону войско ведетъ: уже бѣды его ждутъ птицы, и волки грозу предвѣщаютъ по оврагамъ; орлы клектомъ зовутъ звѣрей на кости, и лаютъ лисицы на багряные щиты.

О Русская Земля, ты уже за горою!....

Долго меркнетъ ночь.... Заря-свѣтъ

мьгла поля покрыла; щекоть славій успе, говоръ галичь убуди.

8. Русичи великая поля чьрленьими щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.—

ГЛАВА IV.

1. Съ зараніа въ пятькъ потопташа поганыя пълкы Половецькыя; и рассушясь стрѣлами по полю, помчяша красныя дѣвкы Половецькыя, а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты. Орьтьмами и япончицями, и кожухы начяша мосты мостити, по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половецькыми.
2. Чьрленъ стягъ, бѣла хорюговь, чьрлена чолка, сребрено стружіе—храброму Святъславличю.—
3. Дремлеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо . . . далече залетѣло; небыломъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чьрный воронъ, поганый Половчине! . . .
4. Гзакъ бѣжить сѣрымъ вълкомъ; Кон-

зтала; мгла поля покрыла; соловьиный щебетъ уснулъ; говоръ галочій проснулся.

Русичи багряными щитами загородили широкія поля, ища себѣ чести, а Князю славы.—

IV. ПОБѢДА НАДЪ ПОЛОВЦАМИ.

Утромъ въ Пятницу потоптали они поганые полки Половецкіе, и разсыпавшись стрѣлами по полю, помчали красныхъ дѣвицъ Половецкихъ, а съ ними золото и парчи и дорогіе оксамиты. А ортмами, япончами, шубами и всякими нарядами Половецкими, начали мосты мостить, по болотамъ и топямъ.

А багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряная челка, серебрено копье—храброму Святославичу.—

Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнѣздо... далеко залетѣло! не въ обиду было родилось оно—ни для сокола, ни для кречета, ни тебѣ черный воронъ—поганый Половчинъ!...

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ; за нимъ

чакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.—

ГЛАВА V.

1. Другаго дни вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чьрныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти четыри солнця: а въ нихъ трепещуть синіи мълніи:
2. Быти грому великому! итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!
3. Ту ся копіемъ приламати; ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецькыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго.
4. О Руськая земле! уже за шеломянемъ еси!...
5. Се—вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя пълкы Игоревы; земля тутнеть; рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголіоть; Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ... Руськыя пълкы отступиша.
6. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша; а храбріи Русичи преградиша чьрлеными щиты.

Кончакъ держитъ путь къ Дону великому.

V. НАЧАЛО НОВОЙ БИТВЫ НА РѢКѢ КАЯЛѢ.

Начинается другой день... крававыя зори свѣтъ возвѣщаютъ; черныя тучи съ моря идутъ, хотятъ закрыть четыре солнца; а въ тучахъ дрожатъ синія молніи...

Быть грому великому! идти дождю стрѣлами съ Дону великаго!

Тутъ-то копьямъ изломаться, тутъ-то саблямъ изщепаться объ шеломы Половецкіе — на рѣкѣ на Каялѣ, у Дону великаго!

О Русская Земля, ты уже за горою!...

Вотъ — вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые Игоревы полки; гудетъ земля; рѣки мутно текутъ; разстилается пыль надъ полями; знамена лепечутъ: Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ сторонъ... Русскіе полки отступили.—

Дѣти бѣсовы крикомъ поля загородили, а храбрые Русичи багряными щитами.

7. Яръ Туре Всеволоде! стоиши на борони; прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая: тамо лежять поганыя головы Половецькыя, поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя, отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде!

8. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чьрнѣгова, отця злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны свычая и обычая?

ГЛАВА VI.

1. Были вѣци Трояни; минула лѣта Ярославля; были пълци Ольговы, Ольга Святъславличя.

2. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ.

3. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ; а Владиміръ сынъ Всеволожь по вся утра уши закладаше въ Чьрнѣговѣ.

Ты, Яръ-Туръ Всеволодъ, стоишь на оборонѣ—прыщешь стрѣлами на воиновъ, гремишь объ шеломы мечами булатными. Гдѣ только, Туръ, промчишься ты, золотымъ своимъ шеломомъ посвѣчивая: тамъ лежатъ поганыя головы Половецкія, исщепаны каленымы саблями шеломы Оварскіе отъ тебя, Яръ-Туръ Всеволодъ!

Какія раны дороги, братья, забывшему честь и жизнь, и городъ Черниговъ, и отцовскій золотой престолъ, и своей милой любви— красной Глѣбовны привѣты и ласки!....

VI. ВОСПОМИНАНІЕ О ПРЕЖНИХЪ КНЯЗЬЯХЪ.

Были вѣка Трояновы; минули годы Ярославовы; были ополченья Олега, Олега Святославича.

Олегъ тотъ мечемъ крамолу коваль и стрѣлы по землѣ сѣялъ. Ступаетъ онъ въ златъ стременъ въ городъ Тмутороканъ . . . .

Тому-жь звону давнему великому внималъ Ярославъ; а Владимiръ Всеволодовъ сынъ въ Черниговѣ свой слухъ заслонялъ повседневно.

4. Бориса же Вячеславличя слава на судъ приведе, и на канину зелену наполому постла, за обиду Ольгову, храбра и млада Князя.

5. Съ тоя же Каялы Святопълкъ повалѣ я отця своего междю Угорьскыми иноходьци, ко Святѣй Софіи къ Кыеву.

6. Тогда при Ользѣ Гориславличи, сѣяшеться и растяшеть усобицями; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ съкратишясь.

7. Тогда по Руськой земли рѣдко ратаеве кыкахуть; нъ часто врани граяхуть, трупія себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе.

8. То было въ ты рати, и въ ты пълкы; а сице и рати не слышано . . .

ГЛАВА VII.

1. Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта, летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копія харалужныя, въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецькыя.

А Бориса Вячеславича слава на смертный *судъ привела, и на шелковый зеленый покровъ положила, за обиду Олегову, храбраго и младаго Князя.*

Съ той-же Каялы Святополкъ после битвы взялъ отца своего, межь Венгерскихъ коней, въ Кіевъ ко Святой Софіи.

Тогда, при Олеге Гориславиче, Русская земля *застьвалась и росла усобицами; погибала жизнь Дажьбогова внука; въ крамолахъ Князей человѣческій вѣкъ коротался.*

Тогда рѣдко по Русской земли раздавались клики оратаевъ; но часто каркали вороны, деля трупы между собою, и галки перекликались своимъ говоромъ, сбираясь лететь на покормку.

То было въ тѣ битвы и въ тѣ ополченья: а такой битвы какъ нынѣ *и не слыхано...*

VII. ПОРАЖЕНІЕ РУСКИХЪ НА КАЛЬѢ.

Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта, летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли объ шеломы, трещатъ копья булатныя, въ полѣ незнаемомъ, среди земли Половецкой,

*

2. Чьрна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Руській земли....
3. Что ми шумить, что ми звенить, давеча рано предъ зорями? Игорь пълкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода.
4. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы.
5. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончяша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Руськую.
6. Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилось.—

ГЛАВА VIII.

1. Уже бо, братіе, не веселая година въстала; уже пустыни силу прикрыли. Въстала обида въ силахъ Даждь-Божа внука. Въступила дѣвою на землю Трояню; въсплескала лебедиными крилы на Синѣмъ морѣ; у Дону плещучи, убуди жирня времена.
2. Усобиця Княземъ на поганыя погыбе.

Черная земля подъ копытами костьми была засѣяна, а полита кровью; взошла печалью по Русской землѣ.

Что мнѣ шумитъ, что мнѣ звенитъ, такъ рано передъ зарею?... То Игорь полкъ заворачаетъ: жаль ему милаго брата, Всеволода.

Бились день; бились другой; на третій день къ полудню пали знамена Игоревы.

Тутъ разлучилися братья на берегу быстрой Каялы. Тутъ кроваваго вина недостало. Тутъ докончили пиръ храбрые Русичи: сватовъ попоили, и сами полегли за землю Русскую.

Никнетъ трава отъ жалости и древо съ печалью къ землѣ приклонилось.

VIII. НОВАЯ БѢДА РУСИ ОТЪ ПОЛОВЦЕВЪ.

И вотъ, братья, не веселая настала година: уже пустыни нашу силу покрыли. Возстала обида въ силахъ Дажьбогова внука: губительной дѣвою вступила на землю Трояню; всплескала лебедиными крыльями на Синемъ морѣ; у Дону плещучи, разбудила богатыя времена.

Но у Князей пропала вражда на поганыхъ.

рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же; и начяша Князи про малое се великое мълвити, а сами на себе крамолу ковати; а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Руськую.—

3. О, далече зайде соколъ, птиць бья къ морю... А Игорева храбраго пълку не крѣсити!

4. За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руській земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ.

5. Жены Руськыя въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!

6. А въстона бо, братіе, Кыевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разліяся по Руській земли; печаль жирна тече средь земли Руськыя . . .

7. А Князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарыщуще на Руськую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

8. Тіи бо два храбрая Святъславличя, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую

Говорятъ они братъ брату: то мое, и то мое! И стали Князья про малое молвить: это великое, и сами на себя крамолу ковать. А поганые со всѣхъ сторонъ стали набѣгать съ побѣдами на землю Русскую.

О, далеко залетѣлъ нашъ соколъ, гоня птицъ къ морю... А Игорева храбраго полка не воскресить-уже!

А за нимъ вскрикнули Карна и Жля, поскакали по Русской землѣ, разнося пожаръ въ огневомъ рогѣ.

И всплакались Русскія жены, приговаривая: „уже намъ своихъ милыхъ друзей ни мыслію взмыслити, ни думою вздумати, ни очами увидѣти,—и тѣмъ златомъ и сѣребромъ уже не звенѣти.“

Застонали, братья, Кіевъ съ печали, Черниговъ съ напасти. Разлилася тоска по Русской землѣ: течетъ глубокая печаль среди земли Русской.

А Князья сами на себя крамолу ковали; и одни поганые, съ побѣдами рыскал по Русской землѣ, брали дани по бѣлкѣ съ двора.

Тѣ два храбрые Святославича, Игорь и Всеволодъ, опять разбудили хулу, кото-

то бяше успилъ отець ихъ Святъславъ грозный, великый Кіевьскый.

9. Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными пълкы и харалужными мечи, наступи на землю Половецькую; притопта хълми и яругы; възмути рѣкы и озеры; иссуши потокы и болота; а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великыхъ пълковъ Половецькыхъ, яко вихръ выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кыевѣ, въ гридницѣ Святъславли!

10. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецькыя, Руськаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощѣево.

ГЛАВА IX.

1. Уныша бо градомъ забралы, а веселіе поникче. А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ.
2. Въ Кыевѣ на горахъ сп ночь съ вечера, одѣвахъте мя, рече, чьрною паполомою, на кровати тисовѣ. Чьрпахуть ми синее

рую усыпилъ-было отецъ ихъ, грозный Святославъ, Великій Князь *Кіевскій.*

Грозою былъ онъ; погромилъ мечами булатными, и своими сильными полками наступилъ на землю Половецкую, притоптали холмы и овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота; а поганаго Кобяка, изъ Лукоморья, отъ желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, какъ вихрь исторгнулъ: и палъ Кобякъ въ городѣ Кіевѣ, во дворцѣ Святославовомъ!

Тамъ Нѣмцы и Венедцы, тамъ Греки и Моравцы, поютъ славу Святославу, корятъ Князя Игоря, что потопилъ богатство наше, *на дно Каялы рѣки Половецкой насыпавши Русскаго золота. Тамъ Игорь Князь переспѣлъ изъ сѣдла золотаго, да въ сѣдло плѣнника.—*

IX. СНОВИДѢНІЕ И ПЕЧАЛЬ СВЯТОСЛАВА.

Уныли стѣны городовъ, поникло веселіе. А Святославъ смутный сонъ видѣлъ.

„Въ Кіевѣ на горахъ, въ эту ночь съ вечера— говоритъ онъ Боярамъ—одѣвали меня чернымъ покровомъ на кровати те-

вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый жемчюгь на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже дъскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовьрсѣмъ. Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху у Плѣсньска на болони, бѣша дебрь Кисаню, и не сошли къ Синему морю.—

3. Ркоша бояре Князю: уже, Княже, туга умъ полонила. Се бо два сокола слетѣста съ отьня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опутоша въ путины желѣзны.

4. Темно бо бѣ въ треть день: два солнца помьркоста, оба багряная стълпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяця, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста. На цѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла:

5. По Руской земли простроншася Половци, акы пардуже гнѣздо; и въ морѣ погрузиста; и великое буйство подаста Хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже вьрже-

совой; черпали мнѣ синее вино, съ отравою смѣшанное; сыпали мнѣ пустыми колчанами поганыхъ....крупный жемчугъ на лоно; и нѣжатъ меня. А доски уже безъ князя на моемъ терему златоверхомъ; и всю ночь съ вечера каркали бѣсовы вороны у Плѣснска на болонѣ, были въ дебри Кисановой, и не слетѣли къ Синему морю.“

И говорятъ Князю бояры: „уже, Князь, печаль умъ одолѣла. То слетѣли два сокола съ отцовскаго золотаго престола, поискать города Тмуторокания, или напиться шеломомъ Дону. И уже саблями поганыхъ подкосили крылья соколамъ, а самихъ опутали путами желѣзными.

Темно было въ третій день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли, а съ ними и молодые два мѣсяца, Владиміръ и Святославъ, тьмою заволокмися. На рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла.

По Русской землѣ простерлись Половцы, какъ пардово гнѣздо... и потопили въ морѣ нашу силу, и великую дерзость придали Хану. Уже хула нанеслась на хвалу; уже насилье разра-

ся Дивъ на землю.

6. Се бо Готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Руськымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шарокяню. А мы уже дружина жадни веселія.—

7. Тогда великый Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновьчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начяла Половецькую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую пролiясте!

8. Ваю храбрая сердця въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли сътвористе моей сребренѣй сѣдинѣ!

9. А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго. И много вой брата моего Ярослава, съ Черниѣговьскыми Былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Тiи бо безъ щитовъ, съ засапожникы, кликомъ пълкы побѣждаютъ.

10. Звонячи въ прадѣднюю славу, нъ рекосте: мужаимѣся сами! преднюю славу

зилось надъ волей; уже Дивъ низвергся на землю.

Вотъ Готскія красныя дѣвы запѣли на берегу Синяго моря; звеня Русскимъ золотомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканову. А мы, твоя дружина, уже чужды веселья!“

Тогда Великій Святославъ изронилъ золотое слово, слезами орошенное. И говоритъ онъ: „о сыны мои, Игорь и Всеволодъ! рано вы стали Половецкую землю мечами опустошать, а себѣ славы искать. Да не съ честью одолѣли: не съ честью кровь поганую пролили!

Ваши храбрыя сердца изъ крѣпкаго булата скованы, и въ смѣлости закалены. Что-же вы сдѣлали моей серебряной сѣдинѣ!

Уже не вижу власти сильнаго и богатаго. И много дворовъ у брата моего Ярослава, съ его Черниговскими Бѣлями, съ Могутами, и съ Татранами, и съ Шельбирами, и съ Топчаками, и съ Ревугами, и съ Ольберами: они безъ щитовъ, съ кинжалами, крикомъ полки побѣждаютъ

Но, звонъ въ прадѣдовскую славу, вы сказали себѣ: мужаемся одни! одни воз-

сами похытимъ, а заднюю ся сами подѣлимь!

11. А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло: Княже ми не пособіе; на ниче ся годины обратиша.

12. Се у Римѣ кричять подъ саблями Половецькыми; а Володимiръ подъ ранами, туга и тоска сыну Глѣбову.—

ГЛАВА X.

1. Великый Княже Всеволоде! не мыслію тп прилетѣли издалечя, отьня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти! Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощѣй по рѣзани. Ты бо можеши по суху живыми шерешпры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы.—

2. Ты, буй Рюриче, и Давиде! не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ, акы тури, ранени саблями калеными, на

мель предстоящую славу; одни подълимся. славою прежней!

О, диво-ли, братья, и старому помолодъть! Коли соколъ перья роняетъ, высоко онъ птицъ взбиваетъ; не дастъ гнъзда своего въ обиду. Да то горе: Князьлинь не въ помочь; времена ни во что. обратились. . .

Вотъ въ Ромнъ кричатъ подъ саблями Половецкими: а Владимiръ Князь подъ ранами, скорбь и тоска сыну Глъбову!“

X. воззванiе къ князьямъ о помощи.

Великiй Князь Всеволодъ! Не мыслiю тебъ прилетъть издалеча, отцовскаго золотаго престола поберечь: ты можешь Волгу веслами разбрызгать, Донъ шеломами вычерпать! . . . Какъ-бы ты здѣсь былъ, была-бъ плъньница по ногатъ, а плъньникъ по рѣзани. Ты можешь и на сушъ стрѣлять живыми самострѣлами, удалыми сынами Глъба!—

Ты, смѣлый Рюрикъ, и Давидъ! Не ваши-ли золочеными шеломами по крови плавали? Не ваша-ль храбрая дружина рыкаетъ, какъ туры, раненые саблями ка-

полѣ незнаемѣ? Вступита, Господина, въ злата стремень, за обиду сего времени, за землю Руськую, за раны Игоревы, буего Святъславличя!—

3. Галичькый Осмомысле, Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованиѣмъ столѣ; подперъ горы Угорьскыя своими желѣзными пълкы, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, мечя бремены чрезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть; отворяеши Кыеву врата; стрѣляеши съ отьня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй, Господине, Кончака, поганаго кощѣя, за землю Руськую, за раны Игоревы, буего Святъславличя!—

4. А ты, буй Романе, и Мстиславе! храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло; высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы Латиньскыми. Тѣми тресну земля, и многы страны Хинови. Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя повьргоша, а гла-

леными, въ полѣ незнаемомъ? Вступите, Государи, въ свои золотыя стремена, за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича!—

Галицкій Осмомыслъ, Ярославъ! Высоко сидишь на своемъ престолѣ златокованномъ; ты подперъ горы Карпатскія своими полками желѣзными, заградивъ путь Королю, заваливъ ворота Дунаю, кидая громады черезъ облака, суды рядя до Дуная. Грозы твои растекаются по землямъ; отворяешь ворота Кіеву; съ золотаго отцовскаго престола стрѣляешь ты Салтановъ за землями дальними. Стрѣляй, Государь, Кончака, поганаго кощея, за землю Русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича!—

А ты, слѣлый Романъ, и Мстиславъ! храбрая мысль носитъ умъ вашъ на дѣло; высоко ты плаваешь на дѣло въ отвагѣ, какъ соколъ на вѣтрахъ ширяясь, стремясь птицу одолѣть въ ярости. У васъ желѣзныя брони подъ шеломами Латинскими: отъ нихъ треснула земля и многія страны Ханскія; Литва, Ятвяги, Деремела, и Половцы—побросали свои пики,

ѣы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи.

5. Пъ уже, Княже Игорю, утърпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони; по Рси, по Сулѣ грады подѣлиша; а Игорева храбраго пълку не крѣсити! Донъ ти, Княже, кличетъ и зоветь Князи на побѣду. Ольговичи храбріи Князи доспѣли на брань.

6. Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, нехуда гнѣзда шестокрильци! не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте. Кое ваши златыи шеломы, и сулици Ляцькіи, и щиты! Загородѣте полю ворота своими острыми стрѣлами, за землю Руськую, за раны Игоревы, буего Святъславличя!

ГЛАВА XI.

1. Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ.
2. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ

и головы свои подклонили подъ тѣ мечи булатные...

По вотъ ужь, Князь Игорь, убавился свѣтъ солнцу и дерево не добролъ листья сронило. По Роси, по Сулѣ города подѣлили; а Игорева храбраго полка не воскресить-уже!... Донъ кличетъ тебя, Князь, и зоветъ всѣхъ Князей на побѣду. Ольговичи храбрые Князья поспѣли на брань...

О, Пнгварь и Всеволодъ, и всѣ три Мстиславича, нехудаго гнѣзда шестокрыльцы! не жребіемъ-ли побѣдъ себѣ власть вы раздѣлили... На что-же ваши золотые шеломы, и пики Ляшскія, и щиты?.. Заградите ворота Половецкому *полю своими стрѣлами острыми, за землю Русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича!...*

XI. ВОСПОМИНАНІЕ О ПРЕЖНИХЪ КНЯЗЬЯХЪ.

Уже Сула не бѣжитъ серебряными струями къ городу Переяслову; Двина болотомъ течетъ къ тѣмъ грознымъ Половцамъ, подъ криломъ поганыхъ...

Только одинъ Изяславъ, сынъ Васильковъ,

позвони своими острыми мечи о шеломы Литовьскыя, притрепа славу дѣду своему Всеславу; а самъ подъ чьрлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовьскыми мечи.

3. И схыти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша.

4. Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе. Унылы голоси, пониче веселіе; трубы трубятъ Городеньскыи.

5. Ярославе, и вси внуци Всеславли! уже понизѣть стязи свои, вонзѣть свои мечи вережени! уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Русьскую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насплiе отъ земли Половецькыя!...

6. На седьмомъ вѣцѣ Трояни вьрже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпьрся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кыевьскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣ-

позвенѣлъ своими острыми мечами объ шеломы Литовскіе. Заглушилъ онъ славу своему дѣду Всеславу; а самъ подъ багряными щитами на кровавой травѣ пораженъ мечами Литовскими.

И взялъ онъ ту славу съ собою на смертную *постель, и молвилъ: „дружину твою, Князь, птицы крылами одѣли, а звѣри кровь полизали.“*

Не было тамъ брата Брячислава, ни другаго Всеволода: одинъ изронилъ онъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла, чрезъ златое ожерелье. Уныли голоса; поникло веселіе; трубы трубятъ Городенскія.—

Ярославъ и вси внуки Всеславовы! опустите знамена свои, вложите свои мечи поврежденные! уже вы отпали отъ дѣдовской славы! Вы-то своими крамолами стали наводить поганыхъ на землю Русскую, на жизнь Всеслава... Было-ль какое насиліе отъ земли Половецкой...

На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ, бросилъ жребій Всеславъ о дѣвицѣ ему милой.— Подперся онъ клюками на предѣлы свои, и скочилъ къ городу Кіеву, и добился копьемъ золотаго престола Кіевскаго.

ремъ въ пълночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ; утръ же воззни стрикусы оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи вълкомъ до Немигы съ Дудутокъ.

7. На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чѣпи харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускыхъ сыновъ.

8. Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вълкомъ рыскаше; изъ Кыева дорыскаше до курь Тьмутороканя; великому Хърсови вълкомъ путь прерыскаше.

9. Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.—Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше.

10. Тому вѣщій Боянъ и първое припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицею горазду, суда Божія не минути!

11. Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣсь-

И оттуда поскакалъ лютымъ звѣремъ въ полночь изъ Бѣлагорода, обернувшися синею мглою; а на утро ударилъ стѣнобоями, отворилъ ворота Новугороду, разшибъ славу Ярославу, и поскакалъ волкомъ къ Неменю съ Дудутокъ . . .

На Немень, не снопы стелютъ—головы, молотятъ цѣпами булатными, на току кладутъ жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немеця не добромъ были засѣяны, засѣяны костьми Русскихъ сыновъ.—

Всеславъ Князь людямъ суды судилъ, Князьямъ города рядилъ, а самъ волкомъ рыскалъ въ ночи; отъ Кіева онъ дорыскивалъ до дворовъ Тмутороканя; великому Хорсу волкомъ путь перерѣзывалъ.

Ему въ Полотскѣ звонили рано въ колокола къ заутрени у Святой Софіи; а онъ Кіевскій звонъ слышалъ.—Хоть и вѣща душа въ иномъ тѣлѣ была, да часто бѣды терпѣла.

Ему вѣщій Боянъ и давнюю припѣвку разумно сказалъ: „ни хитрому, ни быстрому, хоть бы птицей леталъ— не миновать суда Божія.“

Боянъ, пѣснотворецъ стараго времени

творца стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя хоти: тяжко ти головѣ кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы: Руськой земли безъ Игоря.

12. О, стонати Руськой земли, помянувше пьрвую годину, и пьрвыхъ Князей. Того стараго Владимiра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кыевьскымъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзiи Давидовы, нъ рози нося имъ хоботы пашуть; копiя поють на Дунаи.—

ГЛАВА XII.

1. Ярославнинъ гласъ слышить: зегзицею незнаемь рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ; утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

2. Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтре, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крильцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горъ подъ облакы вѣяти,

Ярославова, Олегова, Коганова, и на походы Святослава сказалъ: „тяжко тебѣ головѣ безъ плечь; горе тебѣ тѣлу безъ головы.“ Такъ Русской землѣ безъ Игоря.

О, стонать Русской землѣ, помянувъ прежнюю годину и первыхъ Князей! Того стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ: знамена его уже стали Рюриковы, другія Давидовы,—но рогатося имъ пашутъ хвосты; копьл его—поютъ на Дунаѣ...

XII. ПЛАЧЬ ЯРОСЛАВНЫ.

Слышенъ голосъ Ярославны; пустынной кукушкою онъ раздается съ утра: „полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю! омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, отру Князю кровавыя его раны на крѣпкомъ его тѣлѣ!“

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на оградѣ, говоря: „о вѣтеръ, вѣтеръ! Зачѣмъ, господинъ мой, такъ напротивъ вѣешь? Зачѣмъ на вольныхъ крыльяхъ своихъ мчишь Ханскія стрѣлы на воиновъ моего друга? Мало-ль тебѣ

лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?

3. Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: о Днѣпре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецькую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до пълку Кобякова; възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ неслала къ нему слезъ на море рано.

4. Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „свѣтлое и тресвѣтлое сълнце! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь луци съпряже, тугою имъ тули затче?...

ГЛАВА XIII.

1. Прысну море полунощи; идуть сморци мьглами; Игореви Князю Богъ путь кажеть изъ земли Половецькои на землю Руськую, къ отьню злату столу.

было горъ подъ облаками въялъ, лелѣючи корабли на Синемъ морѣ! За чѣмъ-же, господинъ мой, мое веселіе по ковыли развѣялъ?“

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на оградѣ, говоря: „о Днѣпръ, сынъ славы! Ты пробилъ каменныя горы сквозь землю Половецкую; ты лелѣялъ на себѣ ладіи Святославовы до войска Кобякова: взлелѣй же, господинъ мой, ко мнѣ моего друга, чтобы не слала къ нему слезъ на море съ каждымъ утромъ!“

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на оградѣ, говоря: „свѣтлое и пресвѣтлое солнце! Всѣмъ тепло и красно ты! За чѣмъ-же, господинъ мой, простерло горячій лучь свой на воиновъ моего друга? въ безводномъ полѣ жаждою имъ луки свело, печалью колчаны заткало?“

XIII. БѢГСТВО ИГОРЯ ИЗЪ ПЛѢНА.

Хлынуло море о полуночи; идутъ столбы какъ туманы; Игорю Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Русскую, къ золотому престолу отцовскому.

2. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донця. Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою, велитъ Князю разумѣти. Князю Игорю небыть.
3. Кликну, стукну земля; въшумѣ трава; вежи ся Половецькіи подвизашася; а Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвьржеся на бързъ комонь, и скочи съ него босымъ вълкомъ, и потече къ лугу Донця, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди, завтроку и обѣду и ужинѣ.
4. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ вълкомъ потече, труся собою студеную росу. Претъргоста бо своя бързая комоня.—
5. Донець рече: Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Русьской земли веселія.
6. Игорь рече: о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на вълнахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ серебреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мьглами подъ сѣнію зелену древу;

Погасли вечернія зори. Игорь спитъ— Игорь не спитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дона до малаго Донца. Конь о полуночи; свиснулъ Овлуръ за рѣкой, велитъ Князю разумѣть... Князю Игорю небыть!

Вскликнула, стукнула-земля; зашумѣла трава; двинулись Половецкія вежи... А Игорь Князь поскакалъ горностаемъ въ тростникъ, бѣлымъ гоголемъ поплылъ на воду; бросился на борзаго коня, и сскочивъ съ него, босымъ волкомъ помчался къ лугу Донца, и полетѣлъ соколомъ подъ облаками, избивая гусей и лебедей на завтракъ, на обѣдъ и на ужинъ.

Коли Игорь соколомъ полетѣлъ, тогда Овлуръ волкомъ побѣжалъ, труся собою студеную росу. Надорвали они своихъ борзыхъ коней.—

Донецъ говоритъ: „Князь Игорь! не мало тебѣ величія, а Кончаку нелюбія, а Русской землѣ веселія!“

Игорь говоритъ: „о Донецъ! не мало величія и тебѣ; ты лелѣялъ Князя на волнахъ своихъ, стлалъ ему зеленую траву на своихъ берегахъ сребрыныхъ; одѣвалъ его теплыми туманами подъ сѣнію зеле-

стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцями на струяхъ, чьрнядьми на вѣтрѣхъ.

7. Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожьрши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту?

8. Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпръ темиѣ березѣ. Плачеться мати Ростиславля по уношѣ Князѣ Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли преклонилось.—

9. А не сороκы въτроскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граяхуть, галици помълкоша, сороκы не троскоташа; по лозію ползоша только дятлове, тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть; соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.

10. Мълвить Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летить, соколичя рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами.

11. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ сокольця опутаевѣ красною дѣвицею.

12. И рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будеть сокольця, ни нама красны дѣвици, то

наго дерева; ты стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернетями на вѣтрахъ.

Не такова-ль рѣка Стугна? Своею недоброй волною, она поглотила чужіе ручьи и разметала струги по кустамъ!

Днѣпръ—затворилъ онъ свои темные берега юному Князю Ростиславу: и плачется мать Ростиславова по юношѣ Князѣ Ростиславѣ. Уныли цвѣты отъ жалости и древо съ печалью къ землѣ приклонилось.“—

То не сороки застрекотали: по слѣдамъ Игоря ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда вороны не каркали, галки замолчали, сороки не стрекотали; только дятлы, ползая по вѣтвямъ, стукомъ путь къ рѣкѣ кажутъ, да соловьи веселыми пѣснями свѣтъ возвѣщаютъ.

И говоритъ Гзакъ Кончаку: „коли соколъ ко гнѣзду летитъ, соколенка разстрѣляемъ своими золочеными стрѣлами!“

Отвѣчаетъ Гзаку Кончакъ: „коли соколъ ко гнѣзду летитъ, мы сокольца опутаемъ красною дѣвицей.“

И говоритъ Гзакъ Кончаку: „коли опутаемъ его красною дѣвицей, не будетъ намъ ни сокольца, ни красной дѣвицы; и

почнуть наю птици бити въ полѣ Половецькомъ.—

ГЛАВА XIV.

1. Солнце свѣтиться на небесѣ. Игорь Князь въ Руськой земли.
2. Дѣвици поють на Дунаи. Вьются голоси чрезъ море до Кыева.
3. Игорь ѣдетъ по Боричеву, къ Святѣй Богородицѣ Пирогощѣй. Страны ради, грады весели, пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а потомъ молодымъ пѣти.
4. Слава Игорю Святъславличю, Буй Туру Всеволоду, Владиміру Игоревичю! Здрави Князи и дружина, побарая за Христьяны на поганыя пълкы. Княземъ слава, а дружинѣ аминь!

станутъ насъ бить птицы въ полѣ Половецкомъ!"

XIV. ВОЗВРАТЪ ИГОРЯ ВЪ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ.

Солнце свѣтится на небѣ; Игорь Князь въ Русской землѣ.

Дѣвицы поютъ на Дунаѣ: вьются голоса черезъ море до Кіева.

Игорь ѣдетъ по Боричеву, къ Святой Богородицѣ Пирогощей. Всѣ *страны* такъ *рады, города* такъ *веселы; пѣли пѣснь старымъ Князьямъ, а потомъ молодымъ пѣть стали.*

Слава Игорю Святославичу, Буй-Туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Да здравствуютъ Князья и дружина, поборая за Христіанъ на полчища поганыхъ. Слава Князьямъ и дружинѣ!

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Превосходная Пѣснь сія была у насъ издаваема *пять* разъ. Старинный списокъ, съ котораго напечатано 1800 года въ Москвѣ *первое* изданіе оной, сгорѣлъ на Московскомъ пожарѣ въ 1812 году; такимъ образомъ 1-е изданіе служитъ теперь единственнымъ источникомъ подлиннаго текста Пѣсни.

Предпринимая новое, *полное* изданіе оной, съ критическимъ изслѣдованіемъ, объяснительными примѣчаніями, словаремъ и переводомъ,—я помѣстилъ въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. (1836 № 4 и 6, 1837 № 1.) мое критическое изслѣдованіе оной и напечаталъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ это *краткое, корректурное* изданіе текста съ переводомъ, собственно для слушающихъ мои лекціи о Русской Словесности, желая предварительно воспользоваться всякаго рода замѣчаніями, къ поясненію Пѣсни служащими,— о чемъ и прошу покорно знатоковъ и любителей нашей Словесности.

Цѣна 2 рубля.

65

2007113184